

**Конвенция против пыток и
других жестоких, бесчеловечных
или унижающих достоинство
видов обращения и наказания**

Distr.: General
21 November 2022
Russian
Original: French

Комитет против пыток

**Решение, принятое Комитетом в соответствии
со статьей 22 Конвенции относительно
сообщения № 868/2018* ****

<i>Сообщение представлено:</i>	А.Р. (представлен адвокатом Жаком Эмери)
<i>Предполагаемая жертва:</i>	заявитель
<i>Государство-участник:</i>	Швейцария
<i>Дата сообщения:</i>	26 апреля 2018 года (первоначальное представление)
<i>Источники:</i>	решение, принятое в соответствии с правилами 114 и 115 правил процедуры Комитета и препровожденное государству- участнику 3 мая 2018 года (в виде документа не издавалось)
<i>Дата принятия решения:</i>	21 июля 2022 года
<i>Тема сообщения:</i>	высылка в Исламскую Республику Иран
<i>Процедурные вопросы:</i>	Исчерпание внутренних средств правовой защиты
<i>Вопросы существа:</i>	запрет принудительного возвращения; угроза применения пыток в случае высылки в страну происхождения
<i>Статья Конвенции:</i>	3

1.1 Заявителем является А.Р., гражданин Ирана 1990 года рождения. Его прошение о предоставлении убежища в Швейцарии было отклонено, и в настоящее время в отношении него действует постановление о высылке в Исламскую Республику Иран. Он утверждает, что его высылка будет представлять собой нарушение государством-участником статьи 3 Конвенции. Государство-участник сделал заявление по пункту 1 статьи 22 Конвенции 2 декабря 1986 года. Заявитель представлен адвокатом.

1.2 В соответствии с правилом 114 своих правил процедуры Комитет, действуя через своего Докладчика по новым жалобам и временным мерам, 3 мая 2017 года обратился к государству-участнику с просьбой воздержаться от высылки заявителя, пока их жалоба находится на рассмотрении. Государство-участник удовлетворило просьбу о принятии временных мер и приняло решение приостановить высылку заявителя на время рассмотрения жалобы в Комитете.

* Принято Комитетом на его семьдесят четвертой сессии (12–29 июля 2022 года).

** В рассмотрении настоящего сообщения участвовали следующие члены Комитета:
Тодд Бакуолд, Клод Эллер, Эрдоган Ишджан, Маэда Наоко, Илвия Пуце, Ана Раку,
Абдерразак Руване, Себастьян Тузе и Бахтияр Тузмухамедов.

1.3 В соответствии с пунктом 3 правила 115 правил процедуры 18 февраля 2020 года Комитет, действуя через своего Специального докладчика по новым жалобам и временным мерам, отклонил просьбу государства-участника о рассмотрении вопроса о приемлемости сообщения отдельно от его рассмотрения по существу, а также просьбы государства-участника от 18 июня и 22 октября 2018 года об отмене временных мер.

Факты в изложении заявителя

2.1 Заявитель принадлежит к семье умеренных, не практикующих мусульман, которые никогда не интересовались политикой. Он был студентом Свободного университета Дамаванда, где в сентябре 2010 года поступил на бакалавриат по специальности «Промышленный менеджмент». В 2013 году параллельно с учебой он давал частные уроки по физике и математике ученикам средней школы. Он ничего не знал о религиозной практике своих студентов.

2.2 В апреле 2014 года заявитель отправился в Швейцарию, в Берн, со своим отцом, чтобы провести там каникулы и навестить свою тетю. После этой поездки, продолжавшейся чуть более двух недель, заявитель вернулся в Исламскую Республику Иран в сопровождении своего отца. Он разместил фотографии, сделанные во время каникул в Швейцарии, в одном из своих аккаунтов в социальных сетях.

2.3 В ноябре 2014 года во время обязательного курса по учению Ислама заявитель и двое его друзей изложили свои взгляды на ислам, мусульманский радикализм, неверующих и неверных. Члены исламской студенческой ассоциации ответили им оскорблениями и угрозами. После занятий спор перерос в физическое столкновение. Заявитель безуспешно пытался вмешаться, чтобы остановить драку двух своих друзей с четырьмя или пятью членами исламской студенческой ассоциации.

2.4 Вмешавшиеся в конфликт сотрудники Службы охраны университета (Хересат) отвели заявителя и двух его друзей в свое помещение. Они также обратились в полицию, которая доставила их в полицейский участок, где их продержали два дня. Члены исламской студенческой ассоциации не были арестованы. Заявителя и его друзей обвинили в нарушении порядка в университете и инициировании религиозных споров, не связанных с темой занятий. Перед освобождением они должны были дать письменное обещание университету больше не вступать в споры под угрозой отчисления из университета.

2.5 Примерно 18 января 2015 года люди в гражданской одежде, представившиеся агентами КСИР, Корпуса стражей исламской революции или «Пасдаран», заставили заявителя сесть в свой автомобиль без опознавательных знаков. Они предъявили ему ордер суда, выданный судебными приставами. Ордер не имел ни исходящего номера, ни даты, ни указания причин ареста и содержал только имя заявителя, написанное от руки, и подпись. На время поездки сотрудники КСИР связали заявителю руки за спиной, завязали ему глаза и заставили положить голову между коленями.

2.6 По прибытии заявителя в изолятор временного содержания с него были сняты наручники и повязка, закрывавшая ему глаза. Его поместили в грязную камеру в подвале, где он находился один без света примерно четыре дня. Затем он подвергся нескольким допросам, которые проводили мужчины, в основном в балаклавах, и во время которых на него оказывалось психологическое давление и к нему применялись физические пытки. Его избивали палками, пластиковыми трубами, кусками кабеля, веревками и били ботинками по голням; между пальцами его рук вставляли карандаши и сжимали фаланги; его лицо накрывали мокрыми тряпками, лишая его возможности дышать; его голову окунали в ведро с грязной водой; его подвешивали за плечи; его били по ступням; к большим пальцам его рук крепили зажимы, продавливавшие ногти, и через них пропускали электрический ток; его раздевали догола и угрожали сексуальным насилием; его подвергли имитации содомии с

помощью дубинки; и он подвергся имитации казни. Заявитель до сих пор ощущает последствия этого жестокого обращения¹, некоторые из которых все еще видны².

2.7 Между допросами заявитель возвращался в крошечную, сырую камеру без окон с постоянным ярким светом, где стояла сильная вонь и постоянно раздавались крики допрашиваемых заключенных. Ему задавали вопросы о том, насколько хорошо он знает религию и в какой мере он и члены его семьи практикуют ислам. Его обвинили в отступничестве от мусульманской веры, что запрещено и может караться смертью по исламским законам, в преподавании членам общины Бахаи, что запрещено иранским законодательством, а также в том, что он сам стал членом этой общины и посещал в Швейцарии ее секретариат, который находится в Берне. Его также обвинили в том, что он является шпионом Израиля, поскольку в Исламской Республике Иран членов общины Бахаи подозревают в работе на Израиль. Наконец, ему сообщили, что некоторые из его учеников, которые были арестованы, якобы донесли на него.

2.8 Во время содержания заявителя под стражей его родственники и друзья использовали свои связи для установления контактов с влиятельными людьми, которые могли организовать его побег, подкупив охранников на сумму, эквивалентную 20 000 швейцарских франков. Побег произошел 25 февраля 2015 года, когда заявитель находился в Революционном суде Тегерана и должен был присутствовать на заседании.

2.9 Заявителя отвезли в город Урмия, где он прожил несколько дней, не выходя из дома, затем в город Салмас, где он находился еще несколько дней, а затем в деревню у границы с Турцией, где он пробыл еще шесть или семь дней. Затем он провел почти месяц в Турции. В это время он смог возобновить контакты со своими родителями через Интернет. Заявитель в конце концов покинул Турцию на грузовике и был высажен возле швейцарской границы, которую он пересек пешком 15 апреля 2015 года.

2.10 22 апреля 2015 года заявитель подал ходатайство о предоставлении ему политического убежища в Государственный секретариат по вопросам миграции. В связи с этим в ходе довольно непродолжительного слушания ему было задано несколько вопросов общего характера. Слушание проводилось на немецком языке, при этом заявитель не имел возможности проверить качество перевода.

2.11 Заявитель страдает посттравматическим стрессовым расстройством и депрессией в результате событий, пережитых им в стране происхождения, что подтвердил врач, специализирующийся на оказании помощи жертвам организованного насилия, в медицинском заключении от 3 февраля 2016 года, а также психиатр и психоаналитик, говорящая на фарси, в заключении от 12 декабря 2016 года, которые наблюдали заявителя с момента его прибытия на территорию государства-участника в 2015 году³. Психиатр отметила, что это клиническое состояние должно быть принято во внимание в случае возможного собеседования. Заявитель утверждает, что переводчик, присутствовавший на собеседовании, был настолько неквалифицированным и допускал так много неточностей — в чем заявитель смог убедиться, достигнув хорошего уровня знания французского языка за время нахождения в Швейцарии, — что Государственный секретариат по вопросам миграции был вынужден прервать собеседование и вызвать заявителя на повторное слушание. Именно из-за проблемы с переводом глагольных времен, искажавшей смысл сказанного, следователь решила прекратить слушание. Заявитель сам исправил ошибку в переводе на французский язык во время собеседования. Второе собеседование состоялось 15 марта 2017 года.

¹ В частности, страдает от болей в ступнях и в лодыжках.

² На его спине остался десяток шрамов от ударов плетью и веревками, а ногти на его руках деформированы зажимами, крепившимися к пальцам.

³ Эти документы прилагаются к материалам дела.

2.12 16 июня 2017 года Государственный секретариат по вопросам миграции отклонил ходатайство заявителя о предоставлении убежища, посчитав, что показания заявителя содержат противоречия, в частности, относительно причин его ареста. Государственный секретариат также отметил, что заявитель не смог предъявить документы, удостоверяющие его личность.

2.13 21 августа 2017 года заявитель обжаловал это решение в Федеральный административный суд. В поддержку своего ходатайства он представил, в частности, новое заключение своего психиатра, датированное 7 июля 2017 года, в котором говорится, что заявитель страдает диссоциативной амнезией и трудностями с концентрацией внимания.

2.14 Решением Федерального административного суда от 25 августа 2017 года апелляция была признана неприемлемой по причине того, что она была подана с опозданием. Заявитель утверждает, что задержка произошла не по его вине, а по вине помощника его адвоката. Затем, 30 августа 2017 года, он подал прошение о восстановлении срока и апелляцию в суд, которая 19 сентября 2017 года была отклонена, поскольку суд пришел к выводу, что халатность доверенного лица не является достаточным основанием для восстановления срока подачи апелляции. Одновременно с этим 31 августа 2017 года заявитель подал в Государственный секретариат по вопросам миграции ходатайство о пересмотре дела, к которому приложил новые доказательства. Это ходатайство было отклонено 23 октября 2017 года, поскольку Государственный секретариат посчитал, что новые документы, добавленные в дело, не содержат никаких элементов или доказательств, которые могли бы заставить его изменить свои предыдущие выводы. 7 ноября 2017 года заявитель подал апелляцию на последнее решение в Федеральный административный суд. В поддержку своей апелляции он представил медицинское заключение того же врача, специализирующегося на помощи жертвам организованного насилия, от 19 сентября 2017 года, в котором, среди прочего, указывалось на множественные мелкие шрамы на спине и деформацию ногтей обоих больших пальцев и говорилось, что эти шрамы похожи на шрамы от ударов плетью или веревкой и следы щипцов на больших пальцах. 21 февраля 2018 года суд отклонил апелляцию заявителя как необоснованную, в частности из-за недостаточной весомости новых доказательств. Действительно суд посчитал, что медицинское заключение от 19 сентября 2017 года не имеет доказательной силы, поскольку диагноз был поставлен исключительно исходя из слов заявителя и ограничивался оценочным суждением, что наблюдаемые травмы и расстройства совместимы с предполагаемым жестоким обращением, не доказывая этого.

Жалоба

3.1 Заявитель утверждает о нарушении государством-участником статьи 3 Конвенции, поскольку возвращение в Исламскую Республику Иран приведет к его немедленному аресту и угрозе подвергнуться пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению, поскольку: а) он был обвинен в вероотступничестве, которое карается смертью, в преподавании членам общины Бахаи, что запрещено иранским законодательством, и в том, что сам вступил в эту общину и был шпионом Израиля; б) он попросил убежища в государстве-участнике, что дает дополнительные основания говорить, что он является агентом Запада; и с) он уже попадал в поле зрения иранских властей, которые арестовали и пытали его.

3.2 Заявитель утверждает, что представленные медицинские заключения свидетельствуют о наличии у него осложнений и травм — последствий жестоких пыток, которым он подвергался до суда. Для того чтобы дополнить доказательства пыток, пережитых в Исламской Республике Иран, он представляет Комитету дополнение к медицинскому заключению от 19 сентября 2017 года, датированное 22 марта 2018 года, которое составлено после окончательного решения Федерального административного суда и таким образом указывает на то, что причинно-следственная связь между утверждениями заявителя и клинической картиной является правдоподобной с высокой степенью вероятности. В частности, в нем упоминаются многочисленные тонкие линейные шрамы на спине, картина которых вполне

согласуется со следами от ударов куском электрического кабеля или веревкой, чашеобразные деформации ногтей, согласующиеся со следами пыток электрическим током с помощью щипцов, закрепленных на концах больших пальцев, и боль в ступнях и лодыжках и ограниченная подвижность, что согласуется с последствиями нанесения ударов по ступням. Заявитель считает, что он предоставил властям достаточные доказательства того, что он был жертвой пыток. Он добавляет, что государство-участник, которое считает ходатайство о предоставлении убежища необоснованным и принимает решение о принудительном возвращении заявителя, не проведя достаточного расследования и не дав ход доказательствам, представленным заявителем, нарушает статью 3 Конвенции⁴.

3.3 Заявитель также утверждает, что государство-участник на протяжении всей процедуры предоставления убежища демонстрировало предвзятость и пристрастность и относилось к его утверждениям чрезмерно формально. Государство-участник решило с самого начала отклонить все предоставленные доказательства и объяснения, в частности обоснованные медицинские показания, на том основании, что его заявления изначально содержали определенные противоречия, не задавшись вопросом о том, нельзя ли неспособность заявителя выразить свои мысли с требуемой от него точностью объяснить состоянием его здоровья, которое было задокументировано и очевидно во время собеседований и о котором государство-участник было проинформировано.

3.4 Действительно, говоря о неточностях в датах и хронологии, на которые обратил внимание Государственный секретариат по вопросам миграции, заявитель утверждает, что они объясняются тем, что его впервые опросили 22 апреля 2015 года, через несколько дней после его прибытия в Швейцарию, а незадолго до этого он подвергался пыткам и страдал от посттравматического стресса.

3.5 Заявитель также поясняет, что более существенные противоречия, отмеченные властями, возникли из-за проблем с переводом с фарси на немецкий язык.

3.6 Наконец, заявитель добавляет, что государство-участник не приняло во внимание контекст подачи им ходатайства о предоставлении убежища, а именно общую ситуацию с правами человека в Исламской Республике Иран, которая с 2009 года только ухудшилась, если судить по судьбе реальных или предполагаемых противников или просителей убежища, чьи ходатайства были отклонены⁵.

Замечания государства-участника в отношении приемлемости и существа сообщения

4.1 18 июня и 22 октября 2018 года государство-участник представило свои замечания в отношении приемлемости и существа сообщения.

4.2 По мнению государства-участника, заявитель не выполнил требование об исчерпании внутренних средств правовой защиты. Апелляция заявителя в Федеральный административный суд была признана неприемлемой, поскольку истек срок ее подачи. Государство-участник указывает, что, согласно практике Комитета, заявитель не может ссылаться на халатность своего консультанта, чтобы снять с себя обязательство исчерпать внутренние средства правовой защиты⁶. Оно также заявляет, что просьба о восстановлении срока обжалования, поданная 30 августа 2017 года в Трибунал заявителем, касается исключительно формального аспекта и поэтому не может рассматриваться как способ добиться возмещения.

⁴ *A.C. против Швеции* (CAT/C/25/D/149/1999), п. 8.6.

⁵ См., например, Human Rights Watch, *World Report 2017*, p. 334 à 339; Iran Human Rights Documentation Center, «Apostasy in the Islamic Republic of Iran», 25 septembre 2014; и Fiorenza Kuthan, «Iran : traitement des requérants d'asile déboutés », Organisation suisse d'aide aux réfugiés, 18 août 2011.

⁶ *Ю. против Канады* (CAT/C/55/D/512/2012), п. 7.4; и *Х. Е.-М. против Канады* (CAT/C/46/D/395/2009), п. 6.3.

4.3 Кроме того, по мнению государства-участника, апелляция заявителя на решение Государственного секретариата по вопросам миграции об отклонении ходатайства о пересмотре может быть использована только для определения того, содержат ли доказательства, представленные в поддержку ходатайства о пересмотре, существенные новые элементы, которые могут повлиять на исход обжалования по сравнению с выводом, сделанным Государственным секретариатом в своем решении. Действительно, государство-участник считает, что представленные свидетельства, авторами которых являются близкие заявителя, были написаны исключительно в его интересах. Оно также считает, что новые медицинские заключения, представленные после того, как 16 июня 2017 года Государственный секретариат принял решение отказать в предоставлении убежища, лишь воспроизводят выводы медицинских заключений, уже рассмотренных Государственным секретариатом. Наконец, государство-участник считает, что просьба о повторном рассмотрении является лишь попыткой исправить ситуацию, вызванную несоблюдением срока обжалования решения Государственного секретариата от 16 июня 2017 года.

4.4 По существу дела государство-участник указывает, что, за исключением дополнения от 22 марта 2018 года к медицинскому заключению от 19 сентября 2017 года, составленного врачом общей практики, специализирующимся на оказании помощи жертвам организованного насилия, все документы, имеющиеся в распоряжении Комитета, уже были представлены национальным органам, занимающимся вопросами убежища. Таким образом, заявитель не предоставляет никаких новых доказательств, которые позволили бы поставить под сомнение принятые решения.

4.5 Государству-участнику известно, что ситуация с правами человека в Исламской Республике Иран вызывает беспокойство во многих отношениях. Однако общая ситуация в стране не может сама по себе служить основанием для вывода о том, что автору в случае возвращения в эту страну будет грозить применение пыток⁷. Однако описанные далее события показали, что автор не представил каких-либо доказательств, позволяющих сделать вывод, что в случае его высылки в Исламскую Республику Иран он подвергнется предсказуемой, реальной и личной опасности применения пыток.

4.6 Государство-участник указывает, что, как утверждает заявитель, он подвергся актам пыток, которые перечислены в его жалобе и по которым он представил доказательства. В этой связи Государственный секретариат по вопросам миграции в своем решении от 16 июня 2017 года напомнил, что медицинское заключение, свидетельствующее о последствиях жестокого обращения, может быть признано релевантным только в том случае, если весь рассказ соответствующего лица в части предполагаемого и причиненного вреда считается достоверным. В данном деле Государственный секретариат пришел к выводу, что заявитель не смог доказать достоверность своих утверждений. В этих обстоятельствах медицинские показания, содержащиеся в медицинском заключении, не могут быть признаны доказательными и сами по себе не могут изменить точку зрения официального органа. Что касается шрамов на теле заявителя, Федеральный административный суд отметил, что заявитель продемонстрировал их Государственному секретариату на собеседовании 15 марта 2017 года, но ни в медицинском заключении от 3 февраля 2016 года, ни в медицинском заключении от 12 декабря 2016 года они не упоминаются.

4.7 Государство-участник добавляет, что, как утверждает заявитель, в случае возвращения в Исламскую Республику Иран ему грозит опасность подвергнуться пыткам, поскольку ему якобы предъявили обвинения в обучении детей Бахаи, обращении в их веру, нарушении общественного порядка, вероотступничестве и шпионаже в пользу иностранных держав — обвинения, которые привели к его аресту в январе 2015 года. Органы государства-участника, занимающиеся вопросами убежища, изучили эти утверждения и признали их не заслуживающими доверия. Государство-участник добавляет, что в своем решении от 16 июня 2017 года Государственный секретариат по вопросам миграции отметил, что, давая показания в

⁷ *Азизи против Швейцарии* (CAT/C/53/D/492/2012), п. 8.3.

разное время заявитель по-разному описывал обстоятельства предъявления ему обвинений в Исламской Республике Иран, хотя эти обстоятельства были центральным элементом в его аргументации.

4.8 Например, на первом собеседовании заявитель утверждал, что его неприятности начались тогда, когда во время дискуссии среди студентов на университетской лекции он стал защищать права детей бежаистов посещать обычные школы. Однако на последнем собеседовании заявитель пояснил, что в основу обвинений, выдвинутых против него, легли доносы людей, исповедующих веру бахаи, а не какие-либо реальные факты.

4.9 Более того, на собеседовании 15 марта 2017 года заявитель утверждал, что он не принимал непосредственного участия в споре в университете и вмешался только для того, чтобы разнять дерущихся людей, а именно двух своих друзей и членов исламской студенческой ассоциации. Он объяснил, что не помнит, когда произошла ссора и в чем была ее причина. Он добавил, что после этого у него не возникало никаких проблем с указанными студентами.

4.10 Помимо этих очевидных несоответствий, заявитель сделал противоречивые заявления о своей предполагаемой деятельности в качестве частного преподавателя детей, исповедующих веру бахаи. Действительно, на первом собеседовании заявитель не только четко указал на то, что он выступил в защиту прав этих детей на школьное образование во время университетского курса, но и недвусмысленно заявил, что один из студентов, входящих в ассоциацию исламских студентов, увидел его, когда он выходил из дома семьи бахаистов, где давал уроки. Однако во время дополнительного собеседования он дал совсем другие показания: он заявил, что до дня своего ареста даже не знал о существовании религии бахаи.

4.11 Государственный секретариат по вопросам миграции установил, что утверждения заявителя о причинах его ареста и возбуждения против него судебного разбирательства были, как минимум, противоречивыми и поэтому не могли рассматриваться как правдоподобные. Поэтому Государственный секретариат счел, что достоверность утверждений заявителя о его предполагаемом побеге также вызывает сомнения.

4.12 Государственный секретариат по вопросам миграции отметил и другие признаки неправдоподобности в утверждениях заявителя, в частности те, которые касаются точной даты его ареста и обстоятельств его отъезда в Урмию. Кроме того, его неубедительные объяснения по поводу отсутствия какого-либо документа, который мог бы удостоверить его личность, заставили Государственный секретариат сделать вывод, что, не предъявив таких документов, заявитель, вероятно, пытался скрыть реальные обстоятельства своего прибытия на территорию государства-участника.

4.13 Государство-участник соглашается с тем, что травма может повлиять на мышление и память жертвы пыток, особенно в отношении хронологии событий, и что с течением времени воспоминания могут меняться. Однако оно считает, что несоответствия в показаниях заявителя на разных собеседованиях касаются расхождений не просто в датах, а в центральных элементах его показаний, т. е. в фактах, приведших к предполагаемому преследованию со стороны иранских властей.

4.14 Наконец, государство-участник указывает, что в своей жалобе заявитель стремится продемонстрировать, что ошибки в глагольных временах фарси или плохой перевод являются причиной несоответствий, отмеченных Государственным секретариатом по вопросам миграции. Этот аргумент и соображения, высказанные в этом контексте, не являются убедительными. В этом отношении достаточно изучить его утверждения на первом собеседовании в 2015 году, чтобы с удивлением понять, что заявитель не обнаружил ни одной из многочисленных предполагаемых ошибок, когда его слова были переведены ему заново в конце того же собеседования.

Комментарии заявителя к замечаниям государства-участника

5.1 9 августа 2018 года автор представил комментарии к замечаниям государства-участника относительно приемлемости сообщения. По его словам, его ходатайство о пересмотре дела от 31 августа 2017 года и апелляция на решение об отказе в ходатайстве о пересмотре дела от 7 ноября 2017 года были признаны приемлемыми Государственным секретариатом по вопросам миграции и Федеральным административным судом, что привело к рассмотрению дела по существу, в том числе к изучению проблем перевода и состояния посттравматического стресса заявителя во время первого собеседования в Государственном секретариате.

5.2 Заявитель утверждает, что с аргументом о том, что процедура пересмотра не позволяет исчерпать внутренние средства правовой защиты, нельзя согласиться. Он утверждает, что в другом деле о предоставлении убежища Комитет посчитал, что исчерпать внутренние средства правовой защиты можно только при подаче второго ходатайства о предоставлении убежища, а не в первого⁸.

5.3 Кроме того, заявитель утверждает, что он использовал новые средства: а) обжаловав 21 августа 2017 года в Федеральный административный суд решение об отклонении его ходатайства о предоставлении убежища от 22 апреля 2017 года; б) ходатайствовав 31 августа 2017 года перед Государственным секретариатом по вопросам миграции о пересмотре дела; и с) обжаловав в Федеральный административный суд решение от 7 ноября 2017 года об отклонении ходатайства о пересмотре дела. Заявитель утверждает, что суд и Государственный секретариат отклонили как неубедительные дополнительные медицинские заключения, в которых отмечалось, что утверждения о том, что он подвергался пыткам и находился в состоянии посттравматического стресса, с большой степенью вероятности являются достоверными. Он также ссылается на низкий уровень переводчиков и ошибки в переводе, допущенные во время собеседования с сотрудниками Государственного секретариата.

5.4 8 февраля 2019 года заявитель представил свои комментарии к замечаниям государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения от 22 октября 2018 года. По его мнению, было бы противоречием цели и духу Конвенции считать, что только те просители убежища, которые исчерпали внутренние средства правовой защиты в рамках первой обычной процедуры, будут защищены и смогут подать жалобу в Комитет. В любом случае, такое толкование уже было отвергнуто Европейским судом по правам человека, в частности, в решении по делу *Полидарио против Швейцарии*⁹, в котором суд постановил, что в случае заявителя, который не подал апелляцию по обычной процедуре, выбранная процедура пересмотра позволила адекватно исчерпать внутренние средства правовой защиты по смыслу Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Европейская конвенция по правам человека).

5.5 Комитет, в частности в деле *Джахани против Швейцарии*¹⁰, пришел к выводу, что тот факт, что заявитель, подавший второе ходатайство о предоставлении убежища, связанное с первым, не подал апелляцию в рамках первой процедуры, не препятствует Комитету рассмотреть ходатайство на основании жалоб, поданных в рамках этой второй процедуры.

5.6 Заявитель утверждает, что якобы многочисленные несоответствия, выявленные Государственным секретариатом по вопросам миграции, на самом деле сводились к четырем более или менее связанным между собой проблемным фразам. Во-первых, вопреки утверждениям государства-участника, ошибки, на которые оно жалуется, не являются многочисленными: речь идет о четко локализованной и определенной ошибке, связанной с неправильным переводом формы глагола в трех или четырех предложениях с фарси на немецкий язык. Несомненно также, что в протоколе

⁸ *Джахани против Швейцарии* (CAT/C/46/D/357/2008), п. 8.2.

⁹ Cour européenne des droits de l'homme, *Polidario c. Suisse*, requête no 33169/10, arrêt, 30 juillet 2013, par. 49 à 52.

¹⁰ *Джахани против Швейцарии*, п. 8.2.

содержится ряд неточностей, которые, к счастью, не привели к каким-либо последствиям.

5.7 Далее заявитель утверждает, что не оспаривалось и не может оспариваться, что на собеседованиях в кантоне в 2017 году он смог предоставить полный и убедительный отчет о своем аресте и пытках в своей стране. Не оспаривалось, что проблематичные фразы, выдаваемые в протоколе первого собеседования за реальные факты, почти слово в слово соответствовали данному заявителем на последующих собеседованиях описанию обвинений, выдвинутых против него тайной полицией. Поэтому власти государства-участника не имели права отклонить ходатайство без дальнейшего расследования. Здравый смысл должен был заставить их продолжить расследование, поручив провести дополнительное медицинское обследование, что они постоянно отказывались делать.

5.8 Кроме того, Комитет неоднократно напоминал государству-участнику, что обнаружения предполагаемых несоответствий в показаниях заявителя недостаточно, чтобы сделать вывод об отсутствии риска применения пыток в случае принудительного возвращения; это является лишь одним из критериев среди прочих, поскольку причину всегда нужно анализировать в целом¹¹. Также недопустимо было настаивать на своем, когда было представлено точное и убедительное объяснение и письменные доказательства, объясняющие происхождение ошибки.

5.9 20 июня 2019 года заявитель пожаловался на недостаточную компетентность и беспристрастность переводчиков, работающих в Государственном секретариате по вопросам миграции.

Дополнительные замечания государства-участника

6. 14 августа 2020 года государство-участник представило дополнительные замечания, указав, что комментарии заявителя от 8 февраля и 20 июня 2019 года не содержат элементов, которые могли бы поставить под сомнение позицию государства-участника. В частности, государство-участник объясняет процесс отбора устных переводчиков.

Комментарии заявителя к замечаниям государства-участника

7. В своих комментариях от 21 декабря 2021 года заявитель повторяет аргументы, которые он привел в своем первоначальном представлении. Кроме того, он считает, что переводчики не имеют достаточной подготовки и не могут работать в ситуациях, которые выходят за рамки обычных слушаний по делам просителей убежища.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

8.1 Прежде чем приступить к рассмотрению жалобы, изложенной в сообщении, Комитет должен установить, является ли она приемлемой в соответствии со статьей 22 Конвенции. Руководствуясь требованиями пункта 5 а) статьи 22 Конвенции, Комитет убедился в том, что этот же вопрос не рассматривался и не рассматривается по какой-либо другой процедуре международного расследования или урегулирования.

8.2 Комитет напоминает о том, что в соответствии с пунктом 5 б) статьи 22 Конвенции он не рассматривает никаких сообщений от какого-либо лица, если не убедится в том, что данное лицо исчерпало все имеющиеся внутренние средства правовой защиты. В данном деле он принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что заявитель не исчерпал доступные средства правовой защиты, поскольку апелляция в Федеральный административный суд была признана неприемлемой в связи с истечением срока ее подачи, и что ходатайство о восстановлении этого срока, поданное заявителем в суд 30 августа 2017 года, касается лишь формального аспекта и поэтому не может рассматриваться как способ добиться

¹¹ См. в этой связи, в частности, дело *Фадель против Швейцарии* (CAT/C/53/D/450/2011).

правовой защиты. Комитет принимает к сведению аргумент заявителя о том, что задержка произошла не по его вине, а по вине его адвоката. В то же время Комитет напоминает, что ошибки, допущенные частным адвокатом, в принципе не могут быть отнесены на счет государства-участника¹². В данном деле Комитет отмечает, что заявитель не представил достаточных доказательств, оправдывающих несвоевременность его обращения в суд. Поэтому он считает, что заявитель не проявил должного усердия, чтобы своевременно исчерпать доступные ему средства правовой защиты, и что он не может возлагать вину за это на государство-участника¹³.

8.3 Комитет приходит к выводу, что имеющиеся средства правовой защиты не были исчерпаны и что, следовательно, сообщение является неприемлемым в соответствии с пунктом 5 b) статьи 22 Конвенции.

8.4. Соответственно, Комитет постановляет:

- a) считать сообщение неприемлемым согласно пункту 5 b) статьи 22 Конвенции;
- b) препроводить настоящее решение заявителю и государству-участнику.

¹² *Р.С.А.Н. против Канады* (CAT/C/37/D/284/2006), п. 6.4.

¹³ *Д.Б. против Швейцарии* (CAT/C/66/D/820/2017), п. 6.3.